„Партія Народной Свободы".

А. А. Мануиловъ.

Соціализація земли.

Цѣна 20 коп.

Изданіе „Народное право".
Москва—1917.

45

	ТИПОГРАФІЯ ПЕРЕЦНЕТНАЯ СТЕРЕОТИПНАЯ	
Г. ЛАМБЕРТЪ :: МОСКВА		
	Тел. 1-04-12	

210
44

Соціализація земли.

Проекты аграрной реформы нашихъ политическихъ партій обладаютъ, въ большей или меньшей степени, однимъ общимъ недостаткомъ: они основаны на идеѣ уравнительной справедливости, проводимой съ большей или меньшей широтой и послѣдовательностью, но не удѣляютъ надлежащаго вниманія идеѣ развитія производительныхъ силъ. Составителей этихъ проектовъ занимаетъ вопросъ, какимъ образомъ передать возможно большее количество земли или всю ее крестьянамъ и какъ равномѣрнѣе распредѣлить ее между возможно большимъ числомъ земледѣльцевъ. Но обезпечитъ ли проектируемая аграрная реформа прогрессъ сельскаго хозяйства и повышеніе его производительности, т.-е. возможность получать большее, чѣмъ теперь, количество пищевыхъ продуктовъ, и будетъ ли она содѣйствовать дальнѣйшему увеличенію этого количества,—этотъ вопросъ мало или совсѣмъ не занимаетъ реформаторовъ. Во всякомъ случаѣ они не считаютъ необходимымъ останавливаться на немъ и его обосновывать.

Между тѣмъ въ этомъ—сущность дѣла. Идеально составленная въ смыслѣ соціальной справедливости и столь же идеально осуществленная аграрная реформа приведетъ только къ равномѣрному распредѣленію нищеты, если она игнорируетъ основной вопросъ о подъемѣ и обезпеченіи дальнѣйшаго развитія земледѣльческой производительности. Посадивъ всѣхъ на нищенскій надѣлъ, мож-

но удовлетворить принципъ уравнительной справедливости, но съ государственной точки зрѣнія это было бы гибельно. Уравнять всѣхъ въ бѣдности не значитъ провести реформу.

I.

Уравнительный принципъ получаетъ наиболѣе яркое выраженіе при полномъ игнорированіи вопроса о развитіи производительныхъ силъ въ идеѣ «соціализаціи земли».

На вопросъ: Что такое соціализація земли? Л. Шишко, одинъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ этой идеи, отвѣчалъ такъ: Рѣшеніе аграрнаго вопроса съ точки зрѣнія соціалистической партіи должно заключаться «не только въ отмѣнѣ права частной собственности на средства производства и въ замѣнѣ его правомъ общественной собственности на нихъ, но также и въ установленіи обязательнаго (курсивъ мой) уравнительнаго пользованія ими»... Съ точки зрѣнія соціалистической партіи способъ пользованія отчужденными у крупныхъ землевладѣльцевъ и переданными въ крестьянскія руки землями «долженъ быть организованъ на основахъ уравнительнаго распредѣленія земли между всѣми желающими (курсивъ мой) обрабатывать ее своими собственными руками, съ установленіемъ обязательной максимальной трудовой нормы, или, говоря короче, на основахъ соціализаціи земли» (Статья въ сборникѣ «Соціализація земли», 1907 г.).

Но настоящимъ бардомъ начала соціализаціи земли является Викторъ Черновъ, бывшій министромъ земледѣлія во временномъ правительствѣ. Въ своей книжкѣ «Къ вопросу о соціализаціи земли» (1908 г.) онъ опредѣляетъ ее какъ «такую си-

стему поземельныхъ отношеній, которая предполагаетъ уничтоженіе частной собственности на землю». Такое опредѣленіе, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, ничего не говоритъ о томъ, каково положительное содержаніе реформы, основанной на этой идеѣ. Оно носитъ чисто отрицательный характеръ и поэтому требуетъ дальнѣйшаго развитія, которое и дается во второмъ положеніи Чернова. Оно таково. «Соціализируя землю,—говоритъ Черновъ, —мы ставимъ ее въ такое положеніе, при которомъ обычныя опредѣленія частнаго права къ пользованію ею становятся болѣе неприложимы. Мы не дѣлаемъ землю ни имуществомъ общины, ни имуществомъ области, мы не переводимъ ее просто въ разрядъ современныхъ государственныхъ имуществъ. Мы дѣлаемъ ее ничьей. Именно какъ ничья она и становится общенароднымъ достояніемъ.

Развивая далѣе свою мысль, Черновъ поясняетъ, что, объявляя землю ничьей, онъ и его партія, признаютъ «за каждой личностью трудовое право на пользованіе землей»; но такъ какъ это право ограничивается равнымъ правомъ каждой другой личности на такое же пользованіе землей, то очевидно, что кто-нибудь долженъ регулировать это пользованіе, чтобы устранять конфликты между правами отдѣльной личности. Такими регуляторами личныхъ трудовыхъ правъ на землю будутъ органы народнаго самоуправленія, отъ общины до центральныхъ учрежденій... Ихъ задача—установить въ каждый данный моментъ гарантію между наличными индивидуально трудовыми правами... органы самоуправленія не суверены земли, а регуляторы поземельныхъ отношеній между личностями, за которыми признается равное право на землю».

Чтобы закончить характеристику взглядовъ Чернова на принципіальныя основы аграрной реформы, необходимо еще замѣтить, что соціализація земли предполагаетъ уравнительное распредѣленіе ея между субъектами личныхъ трудовыхъ правъ на землю. Системы такого распредѣленія могутъ быть различны и подлежатъ измѣненіямъ въ дальнѣйшей эволюціи. Развитіе ихъ, по мнѣнію Чернова, въ основномъ и главномъ будетъ состоять въ переходѣ отъ уравнительныхъ системъ распредѣленія и перераспредѣленія между отдѣльными хозяйствами и группами хозяйствъ къ уравнительнымъ системамъ коллективной обработки земли.

Нетрудно видѣть, что въ основѣ возвѣщаемаго порядка, лежитъ идея уравнительнаго земленользованія поземельной общины. Черновъ и указываетъ на эту связь, заявляя, что онъ и его партія опираются въ идеѣ соціализаціи земли «на низы, на трудовое правосознаніе крестьянства, на существующіе въ его средѣ зародыши или остатки примитивнаго коллективизма».

Это—старое народничество, возрожденное въ новой формѣ, подкрѣпленное и затуманенное нѣкоторыми наукообразными разсужденіями.

Мысль о ничьей землѣ глубоко невѣжественна. Ибо, если имѣется въ виду та ступень историческаго развитія, когда при обиліи свободныхъ земель и незначительной плотности населенія земля является свободнымъ благомъ и дѣйствительно была «ничьей» (заимочное землевладѣніе), то это положеніе мыслимо только при опредѣленныхъ историческихъ условіяхъ, и переносить его въ совершенно иныя условія современности значитъ совершить грубую ошибку противъ элементовъ научнаго мышленія. То, что въ народномъ сознаніи

будто бы живетъ мысль о ничьей или Божьей землѣ, показываетъ только, что въ сознаніи народныхъ массъ часто удерживаются въ видѣ пережитковъ представленія, сложившіяся при давно отжившихъ условіяхъ; да въ настоящемъ случаѣ и удержались скорѣе слова, чѣмъ самая мысль. «Собственническія идеи» сидятъ въ крестьянскихъ головахъ гораздо прочнѣе, чѣмъ предполагаетъ Черновъ и его единомышленники.

Но самое главное то, что мысль «земля ничья»—совершенно никчемная и пустая мысль. Изъ нея какъ изъ пальца никакой аграрной программы не высосешь. [1]).

Сущность дѣла заключается въ томъ, кто и на какихъ основаніяхъ распоряжается землей и организуетъ пользованіе ею. На это Черновъ отвѣчаетъ: органы народнаго самоуправленія, отъ общины до центральныхъ учрежденій, на основѣ уравнительнаго начала, причемъ за каждой личностью признается трудовое право на пользованіе землей.

Такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ теоретическимъ трактатомъ, а съ практической программой, то насъ и интересуютъ не юридическія соображенія Чернова, а чисто практическій вопросъ: какъ же на изложенныхъ началахъ соціализаціи земли построить и провести въ жизнь аграрную реформу?

На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта у Чернова, но его даетъ другой видный представитель соціалъ-революціонной партіи, бывшій товарищъ министра земледѣлія П. А. Вихляевъ, въ своей книгѣ «Какъ уравнять пользованіе землей» (1907 г.)

---

[1]) См. критику идеи право на землю въ брошюрѣ А. В. Пѣшехонова: Право на землю. (Націонализація и соціализація). 1917.

II.

Вихляевъ называетъ право на землю однимъ изъ вѣчныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка и гражданина, «неотчуждаемыхъ отъ всякой личности въ государствѣ». Введеніемъ права на землю въ конституцію государства исключается и отмѣняется всякая частная собственность на землю, независимо отъ того, кому земля принадлежала,—частному лицу, общинѣ или государству. Вся земельная площадь государства становится при такомъ порядкѣ доступной свободному и равному пользованію гражданъ на уравнительныхъ началахъ. Вихляевъ обѣщаетъ, что при новыхъ порядкахъ будетъ получать землю не тотъ, у кого есть деньги на покупку, а всякій гражданинъ, желающій обрабатывать землю собственнымъ трудомъ.

Иной наивный человѣкъ вообразитъ, что въ самомъ дѣлѣ, когда осуществится въ жизни программа соціалистовъ-революціонеровъ, всякій гражданинъ, у котораго явится желаніе обрабатывать землю, получитъ возможность удовлетворить это желаніе, ему будетъ отведенъ соотвѣтствующій участокъ земли и, надо думать, данъ инвентарь и необходимое оборудованіе.

Если еще можно тѣшить себя такими иллюзіями на основаніи оффиціальной программы с.-р., хотя и тамъ уже введены нѣкоторыя весьма существенныя оговорки, то Вихляевъ, пытающійся на бѣду своей партіи воплотить въ реальныя формы ея обѣщаніе, показываетъ уже съ полной очевидностью, что возвѣщаемое партіей соціалистовъ-революціонеровъ «право на землю» вовсе не означаетъ права всякой личности въ государствѣ, какъ выражается Вихляевъ, дѣйствительно получить зем-

лю при желаніи заниматься сельскимъ хозяйствомъ.

Вотъ какъ Вихляевъ, точно слѣдуя программнымъ положеніямъ своей партіи, предлагаетъ осуществить идею права на землю.

Въ основу своего права онъ кладетъ потребительную норму, которая и должна служить единой всероссійской мѣркой для отвода земли гражданамъ.

Какъ же устанавливается потребительная норма? Допустимъ практическую возможность выработки одной потребительной нормы для всей Россіи,—допущеніе во всякомъ случаѣ смѣлое. Но если допустить, что такая операція вообще осуществима, то она могла бы быть осуществлена только путемъ установленія средней нормы потребностей, по которой уже опредѣлялось бы и количество земли, необходимое для полученія соотвѣтствующаго количества предметовъ потребленія.

Поясняя свою мысль, Вихляевъ замѣчаетъ, что основной и общей нормой могло бы быть принято, напримѣръ, 20 пудовъ ржи или равнаго ей по питательности пищевого продукта и 50 рублей денежнаго расхода.

Потребительная норма должна быть общей для всей Россіи и устанавливается народными представителями, какъ учредительный актъ, періодически пересматриваемый соотвѣтственно съ повышеніемъ производительности сельскаго хозяйства... Примѣненіе же общероссійской нормы на мѣстахъ должно быть возложено на органы мѣстнаго самоуправленія. «Въ каждомъ сельскохозяйственномъ районѣ Россіи, въ зависимости отъ мѣстныхъ климатическихъ, почвенныхъ и рыночныхъ условій, обусловливающихъ среднюю нормальную высоту урожаевъ, составъ хозяйственной культуры, цѣны на зем-

ледѣльческіе продукты и выгодность сбыта, устанавливается та средняя земельная площадь, то число десятинъ по разсчету на душу населенія, валовымъ доходомъ съ котораго можетъ быть покрыта средняя душевая норма».

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, о томъ, насколько изложенный планъ практически осуществимъ, но мысль ясна,—отправляясь отъ потребностей, выработать потребительную душевую норму и отмѣрить по ней каждому гражданину соотвѣтствующій участокъ земли. Какъ ни чудовищна подобная фантазія, но она не противорѣчитъ логикѣ: концъ ея связанъ съ началомъ. Но бѣда въ томъ, что конецъ не вяжется съ идеей права на землю.

Если исходить отъ потребностей и строить на нихъ потребительную норму, а по этой нормѣ надѣлять землей, то на опредѣленной земельной площади можетъ быть нарѣзано только опредѣленное число душевыхъ участковъ и, слѣдовательно, посажено не болѣе опредѣленнаго числа гражданъ. А что же въ такомъ случаѣ станется съ «вѣчнымъ и неотчуждаемымъ правомъ на землю» тѣхъ гражданъ, для которыхъ участковъ не хватитъ?

Но дѣло въ томъ, что потребительная норма Вихляева въ сущности вовсе не потребительная, а просто-на-просто ариѳметическая средняя, которая можетъ и не совпадать съ потребительной нормой. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ положеній Вихляева. «Право каждаго отдѣльнаго лица,—говоритъ онъ,—должно быть введено въ границы и точно нормировано въ зависимости отъ наличнаго земельнаго запаса и отъ высоты спроса на землю какъ со стороны лицъ, уже ведущихъ земледѣльческое хозяйство, такъ и стремящихся приложить свой

трудъ къ землѣ». И затѣмъ въ другомъ мѣстѣ: «Высота нормы опредѣляется, съ одной стороны, существующей производительностью сельскаго хозяйства въ Россіи, суммой валоваго дохода, получаемаго отъ земли, путемъ ея воздѣлыванія, въ чемъ этотъ доходъ не выражался, въ продуктахъ ли растительнаго, или животнаго происхожденія; а съ другой стороны,—численностью земледѣльческаго населенія, какъ наличнаго, такъ и могущаго предъявить свое право на приложеніе труда къ землѣ, и здѣсь прежде всего безземельное сельское населеніе и сельско-хозяйственные батраки. Средняя норма получится путемъ дѣленія валоваго дохода на численность земледѣльческаго населенія».

Здѣсь уже душевой надѣлъ опредѣляется не потребностями, а соотношеніемъ двухъ величинъ: валоваго дохода и числа людей, уже обрабатывающихъ землю и могущихъ пожелать обрабатывать ее. Но вѣдь частное отъ дѣленія другъ на друга этихъ величинъ можетъ быть и больше и меньше нормы, опредѣленной по потребностямъ. Можетъ оказаться, что при данномъ валовомъ доходѣ и данномъ числѣ гражданъ, обрабатывающихъ и желающихъ обрабатывать землю, на каждаго гражданина придется такой крохотный клочекъ, съ котораго нельзя будетъ прокормиться даже впроголодь. И если бы этого не случилось теперь, то это случится очень скоро, потому что при порядкѣ, проектируемомъ Вихляевымъ и его партіей, нѣтъ основаній ожидать быстраго увеличенія производительности почвы и валоваго дохода сельскаго хозяйства, а населеніе будетъ расти и рано или поздно достигнетъ такой численности, при которой право на землю гражданъ Россійской республики будетъ равно праву на три аршина земли для могилы.

Нужно ли говорить о томъ, что проектъ Вихляева не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о развитіи производительныхъ силъ земли. Нужно ли доказывать, что если бы Вихляеву и его единомышленникамъ удалось посадить всю земледѣльческую Россію на нищенскій надѣлъ, отсюда бы получилось нѣчто прямо противоположное подъему сельскаго хозяйства: всеобщее разореніе и голодъ.

Идеи Чернова и Вихляева заслуживаютъ вниманія для характеристики партіи, вводящей подобные проекты въ свою программу. Но это—только идеологія,—наружный фасадъ. А за нимъ стоитъ другое, болѣе реальное содержаніе.

Если бы примѣнить вихляевскую всероссійскую мѣрку къ надѣленію землей всѣхъ гражданъ, уже сидящихъ на землѣ или выражающихъ желаніе сѣсть на нее, то пришлось бы произвести «черный передѣлъ» всей сельскохозяйственной площади Россійскаго государства. По отношенію къ существующимъ уже владѣніямъ такая операція была бы неизбѣжно связана съ отрѣзкой земли у однихъ и прирѣзкой другимъ; отъ этого были бы избавлены только немногія владѣнія, которыя какъ-разъ подошли бы подъ мѣрку.

Но такого передѣла не собирается производить и Вихляевъ. Онъ понимаетъ неосуществимость и опасность подобнаго плана и признаетъ необходимымъ считаться со сложившимся положеніемъ. Сущность практическихъ предложеній Вихляева сводится къ отобранію земли у помѣщиковъ (конечно, безъ выкупа) и донадѣленію тѣхъ крестьянъ, которые могутъ ею воспользоваться по территоріальному положенію своихъ надѣльныхъ владѣній. Они получатъ донадѣленіе до душевой нормы безвозмездно, а та земля, которая достанется имъ сверхъ нормы, будетъ отведена имъ за арендную плату.

Такъ же будетъ поступлено со всѣми крестьянами, у которыхъ окажется лишекъ земли сверхъ душевой нормы. «Сверхнадѣльные верхи» будутъ обложены особымъ налогомъ, равнымъ платѣ, которую можно получить за эти верхи при сдачѣ ихъ въ аренду. Но какъ же при такихъ условіяхъ будетъ обстоять дѣло съ «вѣчнымъ и неотчуждаемымъ» правомъ гражданина на землю? Каково будетъ положеніе тѣхъ, которые не владѣютъ землей, но пожелаютъ осуществить свое «право» на нее, или владѣютъ ею въ недостаточномъ количествѣ, ниже душевой нормы? Тѣмъ Вихляевъ обѣщаетъ... только улучшеніе хозяйственныхъ условій», «покрытіе общественныхъ потребностей» и «организацію переселенія»,—все за счетъ средствъ, которыя будутъ получаться отъ обложенія сверхнадѣльныхъ верховъ.

Для гражданъ этой категоріи право на землю сведется къ праву на переселеніе, да и то необезпеченному. Вѣдь Вихляевъ не можетъ не знать, что переселенческій фондъ въ Россіи не только не безграниченъ, но прямо-таки весьма ограниченъ, а организація переселенія—дѣло очень сложное и дорого стоющее.

Для Вихляева этихъ трудностей какъ-будто не существуетъ или онъ не хочетъ касаться ихъ, чтобы не вносить разочарованія и сомнѣнія въ души тѣхъ, кого онъ стремится соблазнить правомъ на землю.

Вопросъ о земляхъ, принадлежащихъ нынѣ крестьянамъ и вообще мелкимъ собственникамъ, разрѣшается такъ: «Чтобы не было лишнихъ столкновеній,—говоритъ Вихляевъ,—и чтобы не было обиды рабочему землепашцу, слѣдуетъ принять за правило, чтобы вся та земля, которая находится

въ настоящее время въ собственности крестьянскихъ семей и обрабатывается собственными руками, безъ найма батраковъ, оставалась попрежнему въ пользованіи тѣхъ же хозяевъ, хотя бы эта земля по своей площади превышала среднюю душевую норму, установленную для той или иной мѣстности. При такомъ порядкѣ изъ крестьянскихъ земель могутъ быть отрѣзаны для поравненія другихъ только тѣ земли, для обработки которыхъ крестьянамъ приходится принанимать батраковъ».

Самъ Вихляевъ говоритъ, что болѣе $^2/_3$ всей земли, удобной и непокрытой лѣсомъ, находится въ собственности крестьянъ, причемъ большая часть этой земли обрабатывается безъ помощи наемнаго труда. Такимъ образомъ, для осуществленія права на землю, «неотчуждаемаго права всякой личности въ государствѣ», остается нѣсколько болѣе $^1/_3$ всей удобной и непокрытой лѣсомъ земли. Съ помощью этого фонда должны быть донадѣлены малоземельные, надѣлены безземельные и вообще удовлетворено право на землю всякаго гражданина! Разсчета, разумѣется, никакого не приводится. Граждане должны повѣрить Вихляеву на слово.

И такъ все свелось къ очень простой вещи,—раздѣлу между крестьянами близлежащихъ къ нимъ помѣщичьихъ земель и обложенію «сверхнадѣльныхъ верховъ» особымъ налогомъ въ пользу тѣхъ, у которыхъ при вихляевскомъ передѣлѣ по губамъ текло да въ ротъ не попало.

Просто до святости. О томъ, какъ эта операція съ землей отразилась бы на продуктивности земледѣлія, увеличилось ли бы отъ этого количество пищи въ странѣ и не пришлось ли бы гражданамъ новой Россіи помирать съ голоду на своихъ душевыхъ надѣлахъ,—о всѣхъ этихъ вопросахъ и мно-

гихъ другихъ, не менѣе важныхъ, Вихляевъ и его политическіе друзья не задумываются.

Но куда же дѣвалась идея уравнительнаго землепользованія? Вѣдь въ конечномъ итогѣ широковѣщательныхъ разсужденій «идеолога» Чернова и «практика» Вихляева получилась скорѣе неуравнительность. Крестьяне, живущіе рядомъ съ крупными помѣстьями или казенными и другими землями, подлежащими экспропріаціи, получатъ много земли, а живущіе далеко отъ такихъ счастливыхъ мѣстъ ничего не получатъ, кромѣ посуловъ. Какая же это уравнительность? Случилось странное происшествіе: сталъ писать Вихляевъ о томъ, какъ уравнять пользованіе землей, а вышло какъразъ противоположное. Почему это?

До очень просто. Вихляевъ хорошо понимаетъ, что если бы онъ и его единомышленники вздумали во имя права на землю и во славу всеобщаго равненія по душевой нормѣ перекраивать и, гдѣ нужно, отрѣзать земли, уже принадлежащія крестьянамъ, то отсюда получились бы большія непріятности для партіи. Чтобы избѣжать ихъ, уравнительный принципъ положенъ подъ сукно. Мало того: крестьянамъ обѣщаютъ дать земли сосѣднихъ съ ними помѣщиковъ, ничего не говоря объ основаніяхъ распредѣленія между ними помѣщичьихъ владѣній. Ясно, что такой постановкой вопроса теоретически поддерживается мысль о немедленномъ захватѣ земли. И въ самомъ дѣлѣ: если земли частныхъ владѣльцевъ все равно предназначены сосѣднимъ крестьянамъ и вся земля, которая окажется у послѣднихъ въ моментъ реформы, у нихъ и останется, то чего ждать? Почему не захватить ее сейчасъ? А плата за «сверхнадѣльные верхи» будетъ установлена потомъ.

Крестьянская масса не знаетъ, что аграрная реформа по рецепту Вихляева оставитъ значительную часть малоземельнаго и безземельнаго крестьянства при разбитомъ корытѣ. Объ этомъ, конечно, не говорятъ ей и эсеровскіе агитаторы, разъѣзжающіе по деревнямъ и селамъ. Они внушаютъ своимъ слушателямъ только одно: вся помѣщичья земля задаромъ перейдетъ къ крестьянамъ. И избиратель вѣритъ партіи Чернова и Вихляева. А это только и требуется.

IV.

Взгляды Чернова и Вихляева не являются только ихъ личными взглядами. Они основаны на принципахъ, принятыхъ партіей с.-р., и представляютъ ихъ послѣдовательное развитіе. Въ программѣ этой партіи говорится, что партія с.-р. «стремится опереться въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ на общинныя и трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства, въ особенности на распространенное среди нихъ убѣжденіе, что земля ничья и что право на пользованіе ею даетъ лишь трудъ [1]). Далѣе объявляется, что «партія будетъ стоять за соціализацію земли», заключающуюся въ томъ, что «пользованіе землей должно быть уравнительнымъ трудовымъ, т.-е. обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ».

---

[1]) Курсивъ здѣсь и въ дальнѣйшихъ выдержкахъ изъ программы с.-р. мой.

Эти принципы были воплощены въ проектѣ основныхъ положеній земельнаго закона, внесеннаго думской группой с.-р. во 2-ю Гос. Думу. Ст. 1-я этого проекта гласитъ, что «всякая частная собственность въ предѣлахъ Россійскаго государства отнынѣ «и навсегда отмѣняется» и что «вся земля съ ея водами и нѣдрами объявляется достояніемъ Россійскаго государства» (ст. 2-я). Далѣе раскрывается содержаніе принципа соціализаціи. Ст. 3-я утверждаетъ, что «на пользованіе этимъ достояніемъ (землею) всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право», а ст. 5-я (п. а) «возлагаетъ на государство въ лицѣ центральныхъ органовъ власти и органовъ мѣстаго самоуправленія обезпеченіе равнаго для всѣхъ гражданъ права пользованія землей».

Приведенныя положенія столь категоричны, что никакихъ недоразумѣній относительно заключающихся въ нихъ мыслей не можетъ быть. Въ ихъ пониманіи, повидимому, и не существуетъ разногласій между комментаторами с.-р.'овской программы.

Такъ, напримѣръ, въ брошюрѣ Н. Д. Григорьева «Какъ распредѣлить между трудящимися землю», выпущенной издательствомъ «Буревѣстникъ», подъ редакціей О. С. Минора, мы находимъ тѣ же заявленія, что и у Чернова и Вихляева (въ общей «теоретической» части его брошюры). Григорьевъ опредѣленно заявляетъ, что по программѣ с.-р.'овъ «всякій гражданинъ, который захочетъ и заявитъ о своемъ желаніи обрабатывать землю своимъ личнымъ, а не наемнымъ трудомъ, то-есть вести трудовое хозяйство, долженъ получить въ пользованіе участокъ земли».

Развивая идею «права на землю», одинъ изъ де-

путатовъ соціалистовъ-революціонеровъ, внесшихъ упомянутый выше проектъ земельнаго закона во 2-й Государственной Думѣ, говорилъ:

«Мы, соціалисты-революціонеры, стоимъ на точкѣ зрѣнія трудового народа и заявляемъ, что право на землю мы считаемъ неотъемлемымъ правомъ гражданина и человѣка»[2]).

Итакъ, сомнѣній, что Вихляевъ является вѣрнымъ истолкователемъ программы своей партіи, нѣтъ никакихъ. А если онъ приходитъ къ практическимъ предложеніямъ, не согласнымъ съ этими принципами, то это уже вина не его, а программы и объективныхъ условій дѣйствительности.

Если земли для донадѣленія нехватаетъ, то для партіи, провозглашающей право каждаго гражданина и гражданки на землю, не остается ничего другаго, какъ обмануть гражданъ и гражданокъ. Все дѣло только въ формѣ этого обмана. Вихляевъ образуетъ для оставшихся за флагомъ денежный фондъ на предметъ устройства переселеній, а Григорьевъ, Ракитниковъ и другіе хотятъ установить очередь полученія земель, съ тѣмъ, конечно, что значительнѣйшая часть гражданъ и гражданокъ, который будутъ стоять въ этихъ земельныхъ хвостахъ, земли никогда не получатъ.

Но право на землю,—скажутъ защитники эсъэровской программы,—есть только право каждаго получить землю, если свободные земельные участки имѣются въ наличности или когда таковые окажутся. Владѣлецъ хлѣбной карточки также имѣетъ право на покупку хлѣба подъ тѣми же условіями. Да, совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что въ земельныхъ хвостахъ первыя мѣста

---

[1]) Цит. по брошюрѣ Григорьева.

предполагается предоставить крестьянамъ, уже владѣющимъ землею; и при этомъ извѣстно, что свободной земли нехватитъ и для достаточнаго ихъ донадѣленія на мѣстѣ, т. е. безъ переселенія. Въ такомъ случаѣ для всѣхъ остальныхъ земельная карточка становится фикціей, а ихъ право на землю—насмѣшкой.

V.

Проекты соціалистовъ-революціонеровъ, въ частности тѣхъ представителей этой партіи, о которыхъ шла рѣчь выше, вызвали противъ себя очень рѣшительныя возраженія со стороны критиковъ, принадлежащихъ какъ къ такъ-называемымъ буржуазнымъ партіямъ, такъ и къ партіямъ соціалистическимъ. Вотъ нѣкоторые изъ такихъ отзывовъ.

Покойный Герценштейнъ указывалъ уже въ свое время въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ объ «Аграрномъ вопросѣ въ программахъ различныхъ партій» (отд. изд. 1906 года) на утопичность аграрной программы соціалистовъ-революціонеровъ и ея несоотвѣтствіе тому строю экономическихъ отношеній, который эта же партія сохраняетъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, въ другихъ отрасляхъ народнаго хозяйства.

«Это не передача земли въ руки государства,—писалъ онъ,—какъ ее предлагаютъ сторонники націонализаціи земли, что вполнѣ мирится съ капиталистическими отношеніями, а пользованіе землею въ предѣлахъ потребительной нормы (и то даже нѣтъ! А. М.) на основаніи собственнаго труда, т.-е. такое состояніе общества, когда въ сферѣ сельскаго хозяйства исчезаютъ отношенія между

хозяиномъ и работникомъ, тогда какъ на-ряду съ этимъ предполагается фабрика съ наемными рабочими, остается городъ въ современной его организаціи, основанный на признаніи частной собственности на орудія производства».

Суровой и заслуженной критикѣ подвергаютъ аграрную программу соціалистовъ-революціонеровъ, или соціалъ-народниковъ, какъ они назывались въ періодъ 1905 г., соціалъ-демократы.

«Дѣлежъ помѣщичьей земли», «уравнительное землепользованіе»,—писалъ П. П. Масловъ въ своей «Критикѣ аграрныхъ программъ» въ 1905 году,—вотъ характерный и главный пунктъ программы с.-рев. Этотъ пунктъ вытекаетъ изъ всей идеологіи мелкаго мѣщанства и, съ точки зрѣнія послѣдняго, чрезвычайно далеко отодвигаетъ общество отъ современнаго экономическаго уклада. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто несправедливаго неравенства въ деревнѣ (хотя это неравенство какъ-разъ и отрицается народниками) у всѣхъ крестьянъ будетъ поровну земли. Какъ это будетъ справедливо и нравственно, какъ легко и скоро осуществится «правда-истина и правда-справедливость» и какъ все это... мѣщански близоруко». Отмѣчая наивность и крайнюю элементарность эсеровской аграрной программы, Масловъ говоритъ, что «теоретики с.-народничества совершенно не считаются съ тѣмъ, что, какія бы ни были формы землевладѣнія, формы хозяйства будутъ опредѣляться техническими и соціальными условіями, что господство капитала въ странѣ не уничтожается измѣненіемъ формы землевладѣнія... С.-народники во главѣ съ почтеннымъ органомъ «Русское Богатство» принялись рѣшать аграрный вопросъ слишкомъ упро-

щеннымъ способомъ: существуетъ экономическое неравенство,—уравнять пользованіе землей! Существуетъ эксплоатація наемнаго труда,—запретить наемный трудъ! Публицисты «Русскаго Богатства» договорились до такихъ абсурдовъ потому, что въ самой основѣ народническихъ воззрѣній скрывается полное игнорированіе науки и жизни и упрямое доктринерство. Въ Россіи развивается капитализмъ. Вздоръ, онъ не должень развиваться, потому что у насъ есть община и проч...»

Въ брошюрѣ «Революція и аграрная программа соціалистовъ-революціонеровъ» (1917) Н. В. Валентиновъ подвергаетъ сильной критикѣ проекты Чернова и Вихляева. Онъ доказываетъ практическую неосуществимость или полную безплодность принятыхъ ими за основу ихъ программы положеній.

«Потребительная норма была бы нормой,—говоритъ Валентиновъ,—если бы мы могли опредѣлить ею соотвѣтствующій земельный участокъ надѣленія. А его очертить, исходя изъ потребительной нормы, не могутъ никакія изощренія, даже самого министра, статистика П. А. Вихляева... Величины, съ помощью которыхъ можетъ быть опредѣленъ размѣръ потребительной нормы, въ сущности совершенно неизвѣстны. Единственно, къ чему можно подойти какъ къ величинѣ, научно опредѣляемой, это—количество земледѣльческихъ продуктовъ, необходимыхъ въ точномъ смыслѣ слова для крестьянской семьи. Чисто физіологическимъ методомъ можно вычислить количество бѣлковыхъ веществъ, жировыхъ углеродовъ для поддержанія жизни человѣка и возможность работы, затѣмъ подсчитать, какое количество ржи, картофеля, проса и т. д. обезпечить подобный минимумъ, и,

переводя на единицы измѣренія, получить потребительную норму. Подходъ къ вопросу не отличался бы отъ вычисленія корневыхъ раціоновъ сѣна, свеклы и жмыховъ для коровъ при правильномъ веденіи молочнаго хозяйства. Мы получили бы пищевую, вѣрнѣе, какую-то стойловую точку зрѣнія»... Примѣненіе этой точки зрѣнія приводило бы къ неизбѣжному равненію всѣхъ въ сторону минимума потребностей, а не максимума. Она «абсолютно непріемлема для соціалистическаго сознанія, утверждающаго строй, гдѣ не минимумъ нанія, утверждающаго строй, гдѣ не минимумъ потребностей является идеаломъ, а максимумъ, гдѣ максимумъ и разнообразіе потребностей обслуживается максимумъ способовъ удовлетворенія».

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, полагаемъ, для того, чтобы охарактеризовать отношеніе соціалъ-демократовъ къ аграрной программѣ соціалистовъ-революціонеровъ. Съ ихъ точки зрѣнія, оно—воплощеніе мѣщанскаго идеала, не имѣющаго ничего общаго съ соціализмомъ. Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ, проекты с.-ровъ полностью осуществились бы. Что получилось бы? Граждане Россійской республики, пожелавшіе осуществить свое «право на землю», сидѣли бы на душевыхъ надѣлахъ, которые неизбѣжно были бы очень малы, ковыряли бы на нихъ землю примитивными орудіями и поддерживали бы скудными плодами своего труда свое жалкое существованіе. Этотъ стойловой идеалъ, по счастливому выраженію Валентинова, такъ же далекъ отъ соціалистическаго, какъ содержаніе въ стойлѣ отъ жизни культурнаго человѣка.